

ПАОЛА БАРБАТО

БАШНЯ
ИЗ СЛОНОВОЙ
КОСТИ

INSPIRIA

Москва

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)
Б24

Paola Barbato
La torre d'avorio

© 2024 Neri Pozza Editore S.p.a., all rights reserved. This edition was published by arrangement with MalaTesta Literary Agency, Milan, and ELKOST International Literary Agency, Barcelona.

Барбато, Паола.

Б24 Башня из слоновой кости / Паола Барбато; [перевод с итальянского В. С. Гордиенко]. — Москва : Эксмо, 2025. — 384 с. — (Ток. Пациент. Психиатрический триллер).

ISBN 978-5-04-222954-1

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Мара Паладини — бывшая пациентка особой психиатрической клиники, прозванной «Структурой». Там она задумала, как будет жить на свободе новой жизнью. И сейчас живет именно так. Мара называет это Башней из слоновой кости — стены из белых коробок, максимально ограничивающие пространство квартиры, из которой женщина почти никогда не выходит. Она хочет навсегда отгородиться от мира и сравнивает Башню с пастью, которая в любой момент может начать ее пережевывать. Мару это устраивает, она этого хочет.

Но одно маленькое пятно влаги на потолке разрушает этот странный план. Протечка из квартиры сверху. Из-за нее Башне придет конец. Мара поднимается к соседу и... обнаруживает того мертвым. Он убит при помощи растительного токсина, хорошо ей известного...

Известного потому, что на самом деле она — Мариэле Пировано, Отравительница из Сестри-Леванте. Тринадцать лет назад в порыве безумия точно так же Мариэле отравила всю свою семью — мужа и маленьких сына и дочь. За что и оказалась в «Структуре». Гибель соседа означает, что кто-то узнал о ее новой личности. И хочет ее подставить. Ведь все, кто обеспечил Отравительнице жизнь под маской Мары Паладини, знают, кто она, что и каким образом она сделала...

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)

© Гордиенко В., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-222954-1

*Посвящается милой Гаици —
моя последняя отчаянная попытка*

Мара Паладини не сводила глаз с потолка, на котором собиралась капля.

Уже третья за последние две минуты — в этом Мара была уверена, поскольку первые две засекала по часам. Пятно она заметила, выходя с тарелкой в руках из сектора В и направляясь к Узкому проходу. Каждый раз, огибая этот угол, она машинально бросала взгляд на сектор F: сначала на стол, на окно, а потом вверх, на карниз Башни. И вот там, в левом углу, Мара заметила, что цвет немного изменился — как будто появилась едва различимая тень. Но в этом доме не было теней, которые она не знала бы в совершенстве, поэтому Мара остановилась и опустила тарелку. У нее была только прочная пластиковая посуда — осколков она себе позволить не могла, последний разбитый стакан обернулся настоящей катастрофой. Она внимательно осмотрела темное пятно в том месте, где встречались наружная и внутренняя стены. За стеной сектора F была ванная комната — быть может, стоило проверить, не появилась ли тень и там. Мара задумалась, как лучше поступить. Было два способа проверить: бинокль или лестница.

Однако, воспользовавшись биноклем, она вряд ли поймет, от чего образовалось пятно. А вот поднявшись

по лестнице, можно будет понюхать воздух. Всякое подобие влажности из дома было изгнано, и если хоть один гигрометр¹ показывал больше сорока процентов, во всех комнатах автоматически включались осушители воздуха. Если в этом сером углу появилась сырость, она сразу почувствуется.

К сожалению, лестница стояла в ванной.

Мара посмотрела на тарелку в руках, перевела взгляд на стол в глубине сектора F, потом на стул. Слишком много всего в ограниченном пространстве — чтобы принести лестницу, тарелку придется вернуть в сектор B. На тарелке лежали яичница-болтуня, ложка чечевицы в соусе и кубик сахара, который она сунула в рот и разгрызла. Остальное доест позже. Развернувшись на месте, Мара протиснулась через узкий коридор между стенами Башни в секторе F. Оставив тарелку в секторе B, она отправилась в путь. Мара старалась ходить по квартире не слишком часто, потому что, даже перемещаясь с исключительной осторожностью, боялась задеть коробки. В квартире площадью сто десять квадратных метров, включая ванную и кухню, осталось лишь шестнадцать метров, по которым можно было передвигаться. Вдоль всех стен — от прихожей через коридор, в трех комнатах и кладовке — высились ряды белых коробок, сложенных друг на друга от пола до потолка.

За каждым рядом стоял еще один, а где пошире — и третий. Открывая дверь в любую комнату, входящий видел стену из огромных белых кирпичей. Коробки не были стянуты веревками или связаны между собой — легкие стояли на более тяжелых в порядке убывания веса. Расставленные с небольшим, тщательно рассчитанным уклоном, коробки удерживались в равнове-

---

¹ Прибор для измерения влажности воздуха.

сии, если, конечно, их не трогать. Переставив коробки в последний раз, Мара поняла, что, набери она хоть немного веса — поправься в животе или бедрах, — и по квартире не пройти, не задев этих белых стен. Получается, толстеть строго запрещалось, выполнить же это решение оказалось нелегко, поскольку двигалась она мало и только по заданному маршруту. Наверное, стоило выходить на улицу чаще, может дважды в неделю, пройти несколько километров. Но последние пять лет, за редчайшими исключениями, она выходила только между двумя и тремя часами ночи, а гулять по Милану в одиночестве в такое время было небезопасно. Не то чтобы она боялась нападения — скорее какого-нибудь недомогания или несчастного случая. Не хватало еще очнуться на улице днем, под лучами солнца. Или, что еще хуже, в больнице. А значит, оставалось ограничить питание, не переусердствовав, конечно. Она скачала таблицы калорийности продуктов, купила в интернете весы с функцией сканирования тела и решила, что ее вес ни в коем случае не должен превышать пятидесяти пяти килограммов.

Ей это удалось. Каждый раз, навещая Мару, Валерия, социальный работник, разглядывала ее не меньше минуты.

— Ты точно не похудела?

— Точно.

Пятьдесят пять килограммов. Если совсем честно — пятьдесят четыре и семьсот граммов.

Именно благодаря этим пятидесяти четырем килограммам и семистам граммам Мара в тот день проскользнула в коридор, начинающийся от сектора А, прошла через Узкий проход, повернулась, чтобы стать спиной к стене из коробок, прошагала боком мимо кладовки и наконец добралась до ванной. Она повернула ключ в старой двери с матовым стеклом и сразу под-

няла глаза к верхнему углу, соответствующему тому месту в секторе F, где заметила тень. Пятна там не было — или, точнее, пока не было. Над унитазом оливково-зеленого цвета, сохранившимся с шестидесятых годов, там, где потолок сходилась с двумя стенами, появился крошечный сероватый след. Отметина напоминала остатки паутины, но Мара точно знала, что ничего подобного там нет. Она поддерживала ванную в идеальной чистоте и знала точное количество пауков (ровно столько, сколько нужно, чтобы устранять вредных насекомых, если те появятся) и где они сидят. В ванной Мара держала все, что могло или должно было подвергаться воздействию света и влаги: комнатные растения — единственные живые существа, общение с которыми приносило ей радость. В ванной, рядом с моющими средствами, инсектицидами и удобрениями для растений, стояла лестница. Она была легкой и удобной, но высотой два с половиной метра, а потому протащить ее под низкими дверными проемами квартиры, построенной в эпоху, когда средний итальянец был ростом метр семьдесят, оказалось нелегко. Вышло бы проще, будь за дверью свободное пространство, но его не было. Мара вытащила лестницу из ванной, стараясь ничего не задеть. Ванная комната была маленькой, все в ней удерживалось в шатком равновесии.

Взяв лестницу на плечо, словно копьё, она протащила ее под дверным косяком. Затем поставила вертикально, повернулась, заперла дверь и медленно поволокла лестницу по полу. В день покупки она наклеила на ножки фетровые накладки, чтобы заглушить шум, хотя знала, что внизу никто не живет. Тишину Мара ценила превыше всего. Она толкала лестницу, удерживая ее сбоку обеими руками, прижимаясь к стене. Они вместе проскользнули вплотную к стене и мимо двери в сектор E, потом повернули налево, и Мара

смогла снова встать лицом вперед. Она провела лестницу через Узкий проход, аккуратно прислонила ее к коробкам справа и прошла сама, слегка задев картон своим худи. Наверное, надо было снять его, если собиралась двигаться быстрее. Преодолев поворот, она снова оказалась в секторе F. Мара подвинула лестницу к столу в глубине и раскрыла ее. Теперь она стояла прямо перед окном — через три дырочки в шторе виднелись кусочек дома напротив, неопределенное пятно на тротуаре и зеленая полоска открытой ставни. Она в очередной раз отметила, что за последние годы потеряла многое, но не зрение. Поднявшись по ступенькам до самого верха, Мара посмотрела на пятно. До угла было около двух метров, три ряда коробок, и темная тень. Пятно вроде бы слегка увеличилось. Она огляделась, размышляя, как бы получше его рассмотреть и не слишком ли поспешно она отказалась от идеи с биноклем. В конце концов пришлось смириться и сделать единственно возможное. Опираясь коленями на ступеньки лестницы и руками на коробки, Мара ощутила знакомое головокружение — в двух метрах над полом все казалось шатким, и еще нахлынул страх: казалось, что стена вот-вот рухнет. Однако на самом деле ничего не шаталось, и даже если бы труд многих лет обрушился, падать все равно было бы некуда. Дождавшись, пока головокружение пройдет, Мара подалась вперед, опираясь всем телом на два ряда коробок, закрыла глаза и вдохнула. Пыль, конечно же. Пыль и старый картон. Медленно выдохнув через рот, она вдохнула снова. Пыль, старый картон, а может, чуть-чуть пахнет нафталином? Она мысленно пробежалась по сектору F: на четвертом уровне лежали какие-то вещи? Не ее — возможно, отцовские. Пиджаки отца. Она снова со свистом выдохнула, вдохнула в третий раз, набирая в лег-

кие как можно больше воздуха. Пыль, старый картон, нафталин, клей... да, клей, пожалуй, а еще...

сырость

Она резко открыла глаза, уставившись в угол, подобралась еще ближе. Да, пятно расплзлось. Протечка, течь — похоже, этажом выше лопнула труба или что-то сломалось. Точнее не определить — не с того места, откуда она смотрит. Но ясно одно: это Великий Враг — вода.

за стеной струится вода

ниже — коробки

ниже — моя Башня

* * *

У нее всегда было особое представление о том, что такое Башня из слоновой кости. Все считают, что это неприступное сооружение, возведенное из драгоценного материала. Но Маре никак не удавалось выбросить из головы, что слоновая кость — это бивни животных, а значит, Башня, по сути, состоит из зубов. Омерзительная картина: оказаться запертым в пасти, которая в любой момент может начать тебя пережевывать. Именно в таком состоянии она и хотела провести остаток жизни. Квартира в доме постройки начала шестидесятых годов состояла из трех комнат, а также кухни, ванной и чулана. Мара заранее выяснила точные размеры пространства, чтобы спланировать свою личную Башню. По приезду она обнаружила лишь заказанную мебель: односпальную кровать, стол со стулом и книжный шкаф. Обустроившись, она вновь измерила каждую комнату, переименовав их согласно составленной схеме. Вход стал сектором А, кухня — сектором В, первая спальня — сектором С, вторая — сектором Д, чулан — сектором Е, а большая комната — сектором

Е. Лишь тогда она распорядилась доставить первые коробки. Белые, все одного размера. Их производила немецкая фирма, у которой она позже приобрела несколько нестандартных коробок, чтобы заполнить оставшиеся пустоты. Коробки прибывали запечатанными, с буквой, обозначающей сектор, и с этикеткой, на которой был указан перечень содержимого. Следуя тщательно продуманной схеме, над которой она долго работала, Мара расставила коробки вдоль стен. Жизненное пространство резко сократилось, и она дала себе несколько дней, чтобы привыкнуть, прежде чем заказать вторую партию коробок. На оптимальное размещение этих символических «бивней» ушло два месяца, а начала она с сектора F — комнаты, где работала и где расставила более двухсот коробок. В оставшемся пространстве умещались стол, стул и книжный шкаф. Со временем еще две или три коробки она заполнила своими каталогизированными работами. Еще до выхода из «Структуры» она с помощью Валерии отправила резюме в несколько издательств, предлагая услуги носителя языка для перевода с русского. Поступило несколько заинтересованных откликов, и Мара почти сразу подписала контракт с издательством, специализирующимся в основном на политических текстах. Постепенное уменьшение жизненного пространства ее не беспокоило — она не хотела пространства, не хотела свободы действий. Так она жила пять лет, передвигаясь по узкому коридору между картонными стенами, оставив себе лишь тропинки от стола до кухни, от кухни до кровати, от кровати до ванной. В день, когда ей доставили последнюю коробку, она попросила сообщить Луке, чтобы он расторг договор аренды склада. Мара не общалась с ним напрямую — закон это запрещал, но через третьих лиц снова извинилась за доставленные неудобства. Она знала, что сначала он

пытался отправить хотя бы ее личные вещи теще, но ее мать их не приняла. Другие родственники, представители редеющей семьи, которая раскололась после смерти старшего поколения, рассеялись по всей Италии и лишь приняли к сведению этот вопрос, чтобы не навлечь осуждения журналистов, которые крутились рядом. В конце концов все они отказались, заявив, что не готовы. Долгие восемь лет, проведенных в «Структуре», Мара надеялась, что Лука примет единственное разумное решение — выбросит все, соберет ее прошлое в кучу и сожжет. Однако ее муж, теперь уже бывший, выбрал самый болезненный путь, личную Голгофу, на которую решил подниматься шаг за шагом, давая себе время пережить утрату и оставить ее позади. Он арендовал склад и отвез туда все, что принадлежало ей: одежду, шторы из гостиной, книги, компьютерные флешки, лекарства из шкафчика в ванной и даже кухонную утварь. Он не оставил ничего, что принадлежало ей или им обоим. Прежде чем продавать дом, он избавился от всей мебели, даже от той, что стояла в детских. Андреа попрощался со своим столом в разноцветных наклейках, а Клара — с прелестной кроватью под балдахин. Сдав ключи от дома агентству по продаже недвижимости, Лука стер из жизни все следы бывшей жены. И все же ничего не выбросил. Все восемь лет он каждый месяц платил за аренду склада, пока Мара не вышла из REMS — резиденции для обеспечения мер безопасности, которую раньше называли попросту психиатрической судебной больницей.

* * *

Спустившись с лестницы, она открыла журнал со схемой Башни. Сектор F, седьмой уровень, третий ряд, угловая коробка. Там не могло быть ничего дей-

ствительно важного — она позаботилась о том, чтобы в самых уязвимых местах, у окон, плинтусов или потолков, хранились только вещи, которыми можно было пожертвовать. И в самом деле, в модуле F/35 лежал набор эмалированных кружек, принадлежавших ее матери, столовые приборы с красными пластиковыми ручками, зеленые льняные салфетки, кулинарная книга на русском языке, серебряная сахарница и карточки для рассадки гостей с изображением петухов и кур. На мгновение она погрузилась в воспоминания детства, когда не могла выбрать, кто красивее — белая курица или пестрый петух с переливающимися перьями. Закрыв журнал, она убрала его на третью полку книжного шкафа и снова поднялась на стремянку. Рукояткой швабры она вытянула полотенце, которое четверть часа назад затолкала в угол потолка, когда заметила, что там начали собираться капли. Полотенце не промокло, но стало влажным. Она заменила его на сухое, опять подтолкнув длинной рукояткой швабры. Пора решать, что делать. Возможны только три варианта.

Первый — подождать и посмотреть, не прекратится ли течь сама собой. Почему бы и нет? Дело не обязательно в поломке труб, может, проблема временная. Возможно, кто-то забрался на крышу соседнего дома, сдвинул черепицу и случайно открыл путь воде, скопившейся после недавних дождей. Ручеек побежал по крыше, просочился в трещину в стене, не добравшись до внешнего водостока. И попал на ее потолок. Сложно, но вполне правдоподобно.

Второй — позвонить управляющему домом. Ей не запрещали связываться с ним напрямую, но Валерия не раз намекала, что такие вопросы лучше решать с ее помощью, ведь она единственная навещала Мару. Значит, придется звонить Валерии, та поговорит с управляющим, а он, конечно, захочет войти в квартиру, что-

бы все проверить. Такое уже случалось: однажды, когда Башня еще не была полностью достроена, ей пришлось впустить его, чтобы познакомиться, да и, если бы понадобилось что-то отремонтировать, с рабочими договаривался бы он.

Третий вариант вынуждал ее направиться прямо к источнику проблемы: выйти из квартиры, подняться по лестнице и позвонить в дверь этажом выше. В этом доме было всего четыре квартиры, плюс кое-какие помещения на первом этаже, которые раньше служили складами или офисами, а теперь в них устроили кладовые или чуланы для жильцов. Из четырех квартир постоянно заселена была только ее, на первом этаже. Квартира напротив принадлежала какой-то компании, в ней сотрудники ненадолго останавливались четыре-пять раз в год. Мара всегда знала, когда ожидаются гости, потому что за два дня до их прибытия появлялась бригада уборщиц. На втором этаже, над квартирой для сотрудников, снимала жилье пожилая пара, но два года назад они съехали, и Мара не знала куда. Она видела их на лестнице всего пару раз, но изучила все их привычки, сидя за рабочим столом и подглядывая через три отверстия в шторе. С тех пор как они уехали, там никто не появлялся. Оставалась только квартира прямо над ее собственной. Она долго пустовала, но прошлой весной ее занял мужчина лет шестидесяти, который приезжал примерно раз в две недели. Судя по всему, это было его городское пристанище: он приезжал на несколько дней и снова пропадал. Через нижнее отверстие в занавеске Мара наблюдала, как он идет к подъезду от проезжей части. Всегда элегантно одетый, в шляпе, с аккуратно подстриженными седыми усами, даже вечером в темных очках, всегда явно довольный собой. Он немного отличался от живших по соседству, но, возможно, не случайно выбрал этот

тихий район. Он не из тех, кто приходит знакомиться с соседями, и Мара это ценила. Возле кнопки звонка не было таблички с именем жильца, а сам жилец не доставлял Маре ни малейшего беспокойства — до сегодняшнего дня. Вода вполне могла протечь из его квартиры, ведь он вернулся только вчера. Эта версия затмила остальные. Конечно, придется открыть дверь, подняться по лестнице, постучать, встретиться с соседом, представиться, заговорить. И в перечне этих действий было как минимум четыре, которые Маре совсем не хотелось совершать. Она посмотрела на полотенце под потолком и ясно услышала, как капля стукнула по ткани. Представила, каким тоном ответит ей Валерия, которая сейчас, должно быть, разъезжает по городу и наверняка не обрадуется ее просьбе. Мара взглянула на дверь. Потом снова на потолок в углу. Опять на дверь. Застегнула молнию худи до самого подбородка и пошла за ключами.

Она никогда не могла похвастаться математическим складом ума, или по крайней мере ей так казалось. В старших классах, когда она начала изучать немецкий, учительница назвала структуру этого языка «математической», как у латыни. Именно этим она объясняла трудности в его освоении, несмотря на то, что с детства свободно говорила на гораздо более сложном языке — русском. Спустя двадцать один год после окончания школы и три года с тех пор, как ее поместили в «Структуру», ей пришлось снова столкнуться с математикой, хотя и в иной форме: с головоломками. В распоряжении пациентов оказалось множество журналов, но большинство были заполнены лишь в самых простых разделах: соедини точки, закрась области, найди спрятанные предметы. Сложные же задания во всех выпусках оставались нетронутыми. Она, всегда неплохо решавшая ребусы и кроссворды, поначалу даже не